

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-8-6

УДК 32

**ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА**

Жуковский Д.А.

Статья посвящена проблеме поиска путей выхода из разрушительного эффекта, который породил социокультурный раскол в российском социуме по линии ценностного противостояния, и для этого используется потенциал цивилизационной теории.

Ключевые слова: *постсоветское российское общество; социокультурный раскол; духовный кризис; институциональная матрица; российская цивилизация.*

**CONTRADICTIONS AND PERSPECTIVES OF POST-SOVIET RESEARCH
IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF CIVILIZATIONAL APPROACH**

Zhukovsky D.A.

The article looks at the ways to minimize the destructive consequences of socio-cultural split in terms of values that occurred in the Russian society. The study benefits from the civilizational theory.

Keywords: *Post-Soviet Russian society; socio-cultural split; spiritual crisis; institutional matrix; Russian civilization.*

Цивилизационный фактор в качестве важнейшего в системе международных политических отношений признается и российской политической элитой, что нашло отражение в Концепции внешней политики Российской Федерации, в которой отмечается культурно-цивилизационное многообразие современного мира, что, в условиях преодоления биполярной конфронтации, приобрело сверх важное значение, в связи с чем перед Россией стоит важная задача – восстановить цивилизационный статус на международной арене, но прежде всего это необходимо самим россиянам, для того, чтобы избавиться от комплекса цивилизационной неполноценности,

сформировавшегося в результате потери Россией статуса сверхдержавы и последовавшего за этим событием и искажения и где-то даже извращения истории.

В результате забвения исторической памяти, ценностного вакуума, непродуманной идеологической политики и депатриотизации большей части россиян Россия стала стремительно деградировать как цивилизация с перспективой «уйти в историческое небытие» [1], чего можно избежать, по мнению Харина А.Н., на основе цивилизационных ценностей, базирующихся на православии [2].

Эта одна из точек зрения, которых достаточно много в пространстве цивилизационного дискурса. Базируются они на различных основаниях, но, прежде всего, с учетом исторической специфика формирования российской цивилизации, игнорирование которой стало источником потери российской идентичности и разрушения основополагающих принципов, сохранявших российское государство как социокультурное целое на протяжении всей исторической эволюции в различные периоды (имперский, советский) [3].

В результате социально-экономических реформ в постсоветской России резко снизились доходы населения, начался процесс глубокого социального расслоения, появления и институционализации нового слоя бедных, представленных интеллигенцией, сокращение финансирования сфер науки и культуры, сворачивания социальной политики государства. Россия стремительно превращается в общество «всеобщего риска», поскольку в ее пространстве состояние общественной анемии, резкой социальной дифференциации и поляризации, социальной дезорганизации и дезинтеграции, духовной деградации говорит о консервации кризисных факторов в функционировании российского общества.

Провозгласив себя социальным государством, Россия таковым не стала, хотя в советский период наша страна накопила достаточно позитивный и эффективный опыт социальной политики, который активно перенимают капиталистические страны, некогда выступавшие по другую сторону политического барьера. А. Этциони говорит о том, что рост социальной ответственности государства необходим для восполнения в обществе нехватки моральной и нравственной устойчивости [4], а ведь именно этого сегодня так не хватает российскому обществу.

Настаивает на необходимости взвешенной, эффективной социальной политики государства Э.Я. Баталов, утверждающий, что именно в становление индустриального, а потом и постиндустриального общества обязывает государство быть социальным и принимать на себя ответственность за положение дел в социальной сфере [5]. Таким образом, социальное государство выступает объективной необходимостью, формирующейся в обществе индустриального и постиндустриального типа, когда безопасность личности, семьи и т.д., во многом, определяется

способностью государства защитить интересы личности, социальной группы, общества, их безопасное существование.

Но является ли современное российское государство социально ответственным? Думается, что ответ будет отрицательным, о чем свидетельствует как начальный период формирования постсоветского государства с его нелегитимным характером формирования экономических элит, так и современный этап, не отличающийся высоким вниманием со стороны государства к интересам российских граждан и России в том числе. Экономический, и в частности промышленный, сектор, разрушенный в результате распада СССР, так и остается в плачевном состоянии и в стране идет массовая трудовая миграция, связанная с экономическим неблагополучием одних регионов (а их большинство) по сравнению с мега-регионами (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону), а это влечет за собой конфликты иного рода, не относящиеся глубоко к экономическим. Речь идет о межэтнических противоречиях и конфликтах, возникающих между местным населением и этническими группами мигрантов.

Хорошо известно, что в результате образования суверенных республик на территории бывшего СССР произошел всплеск межнациональных конфликтов, в том числе вооруженных, а также ухудшение экономического положения большинства новообразованных государств, и особенно это характерно было для республик Закавказья и Центральной Азии, не считая того, что внутренние проблемы развития постсоветской России также породили серьезнейшие экономические сложности в ряде регионов России, но в плане миграционной проблематики важен северокавказский регион как источник миграции в другие регионы России и межэтнических конфликтов на этнической почве.

Обвал российской экономики, сопровождающийся обнищанием большинства россиян, тотальной безработицей, абстрагированием российского государства от социальных нужд и социальной политики – все это стало причиной массовых миграций, которых прежде советская Россия в таких размерах и масштабах не знала.

В результате трансформационных процессов на постсоветском пространстве сначала на территорию Российской Федерации прибыло большое количество беженцев и вынужденных переселенцев из зон вооруженных столкновений и межнациональных конфликтов – грузины из Абхазии, армяне из Азербайджана, ереванские азербайджанцы, турки-месхетинцы и курды, спасавшиеся от межнациональных столкновений в Узбекистане в результате так называемых «Ферганских событий», а также многочисленные миграционные потоки русских и русскоязычных из образованных после распада СССР суверенных государств, в которых статус русских значительно снизился и риск подвергнуться дискриминации и даже насилию был очень

велик (и особенно критическая в этом отношении ситуация сложилась в прибалтийских государствах).

С середины 1990-х гг. миграционные потоки в Россию начинают носить преимущественно экономический характер, и разворачивается широкомасштабное трудовое миграционное движение на территорию Российской Федерации из сопредельных республик бывшего Советского Союза, а также ряда государств «дальнего зарубежья».

Миграционные потоки дифференцируются по этническим, экономическим, демографическим, культурным показателям. Известный специалист в области миграционной проблематики В. Мукомель отмечает, что мигранты значительно различаются по своему социально-демографическому составу, миграционному опыту, мотивации миграции, миграционным установкам, накладывающим отпечаток на практики мигрантов включения в рынки труда, миграционные стратегии и долгосрочные планы, а также взаимоотношения с принимающим сообществом» [6].

Экономические сложности в России, порождающие экономическое неблагополучие большого количества россиян, а также рост межэтнической напряженности в стране как следствие развала советской идеологии, скреплявшей многие народы России, стали источником многочисленных миграционных проблем, роста их конфликтогенного потенциала. Конфликтогенность миграционных процессов в России порождает мигрантофобию и также способствует деконсолидации полиэтничного российского социума, а без определенного уровня консолидации выйти на устойчивую экономическую и в целом цивилизационную прямую мы не сможем.

А.В. Верещагина приходит к выводу об очень низком уровне толерантности и культуры межнационального общения в современном российском обществе, «в котором на протяжении веков сосуществовали и взаимодействовали различные этносы и народы, но так и не смогли создать оптимальную полиэтничному составу России культуру межэтнического взаимодействия, что предстоит сделать в ближайшей исторической перспективе, иначе российская государственность станет еще под большим вопросом, чем сейчас в условиях депопуляции, поскольку разобщенность, межэтническая конфликтогенность ряда регионов и простое неприятие ряда этнических групп русским населением и наоборот несовместима с концепцией развития сильного многонационального государства» [7].

Важно учитывать, и на это обращают внимание исследователи, что история межэтнических отношений, включающая как позитивные, так и негативные моменты, неизбежно и надолго остается в памяти этноса и передается из поколения к поколению, фиксируясь в национальном характере [8]. В этой связи вызывает очень много вопросов и сомнений проблема построения

конструктивных межэтнических отношений в современной России, «израненной» межэтническими конфликтами и противоречиями.

Возвращаясь к проблеме легитимности установившегося в результате распада СССР нового социального порядка, следует заметить, что, конечно же, экономические практики, связанные с приватизацией государственного имущества, носили нелегитимный характер, грабительский, если говорить об интересах российского народа, которые оказались ущемлены во всех отношениях.

Ю.С. Чихачева совершенно справедливо пишет о том, что государственная собственность в период становления постсоветского порядка превратилась в частную в ходе нескольких волн приватизации [9]. А.С. Панарина пишет, что около 65 % всей бывшей государственной собственности в результате приватизации 90-х гг. перекочевало в руки бывших номенклатурных работников из высшего управленческого аппарата бывшей советской власти [10]. В этой связи нам больше импонирует термин «пиратизация» России, который применил для описания событий начального этапа образования собственности в российском государстве в результате трансформации государственной собственности в частную американский ученый М. Голдман: им открыто описывается этот неприглядный для истории страны процесс формирования финансового капитала, владельцами которого стали бывшие директора советских заводов, высокопоставленные номенклатурные работники советского периода, а также те, кто до 1987 г. находились на обочине советского общества [11].

О.И. Шкаратан также отмечает, что «происхождение российских крупных собственников во многом определило особенности их сознания и поведения. Главное качество их – в сочетании черт бывших партийно-советских аппаратчиков со свойствами обычных бизнесменов» [12].

Очевидно, и это замечает в своих работах и Зиновьев [13], что крушение СССР не привело к кардинальным изменениям во властной иерархии, в отличие, скажем, от периода Октябрьской революции, после которой вся система управления была заменена на новую, и это совершенно оправдано в тех случаях, когда стоит цель действительно создания нового социально-экономического и политического порядка, что наводит на мысль о совершенно иных целях, стоявших перед политической элитой страны накануне 90-х гг., и здесь можно с уверенностью согласиться с мнением Зиновьева о чистой воды предательстве, которое было совершено по отношению к советскому народу со стороны советского руководства.

Иного вывода, с учетом того, что, за некоторыми исключениями, весь кадровый эшелон партийно-государственной номенклатуры СССР сохранил свои позиции в структуре государ-

ственной власти, превратившись в крупных собственников в результате раздела государственного имущества, просто невозможно сделать.

Партийные работники очень удачно вписались в новую бизнес-структуру постсоветского общества, сменив партийные и комсомольские билеты на право собственности, причем собственности многомиллионного характера, в результате чего в стране появились мультимиллионеры и миллиардеры, а тем временем остальное население России, составлявшее подавляющее большинство, стремительно катилось в пучину бедности и нищеты; учителя, врачи преподаватели, работники культуры и искусства вышли на рынок, стали за прилавки, чтобы выжить в том хаосе, в который ввергли страну предатели, очень быстро поделившие государственные ресурсы и богатства и создавшие капитал, заставивший замолчать их совесть, если таковая имелась изначально.

Одним словом, радикальной модернизации правящей элиты, без которой говорить о смене политического порядка и экономических отношений не имеет смысла, в постсоветской России не произошло, и, соответственно, государственная машина функционировала по-прежнему, воспроизводя бюрократическую систему управленческих и социальных отношений, но в принципиально изменившихся социальных условиях, в которых российский народ оказался лишенным элементарных прав и гарантий на жизнь, труд, образование, лечение и т.д. при всем том, что законодательно за ним были закреплены все те права и гарантии, которых россияне оказались лишены, и при провозглашенном социальном равенстве, гарантии прав и свобод, в реальности никакого равенства шансов, прав, свобод не оказалось.

Только сейчас ко многим приходит осознание того, что было потеряно, утрачено в результате «демократических» преобразований (а отсюда и всплеск ностальгии по советским временам), когда западные страны, на которые мы якобы ориентируемся в ходе своего развития, переняли стратегию социального развития и социальной политики советского государства ровно настолько, насколько мы от нее отказались. Подтверждением этого выступает хотя бы такой факт, как: весь цивилизованный экономически развитый мир, как европейский, так и восточный, идет по поступательной прямой к всеобщему бесплатному образованию на всех его ступенях, в то время как Россия в этом направлении движется диаметрально противоположным путем, несмотря на то, что еще сравнительно недавно система бесплатного образования успешно функционировала в стране и принесла огромные плоды, на которых мы еще держимся как страна великих достижений, но долго ли мы продержимся на достижениях прошлого?

Нам также очень нравится мысль А.А. Зиновьева о том, что специфика социальных изменений в постсоветской России заключается в том, что страна сделала не один, а два шага назад, т.е. страна оказалась отброшена в дореволюционное прошлое, но не в плане позитивных характеристик этого периода, а в плане воссоздания архаических элементов социальной организации, в первую очередь, в сфере идеологии, ритуалистики, этнической истории народов и т.д. Можно привести пример с возрождением казачества, которое носило откровенно политизированный характер, но преподносилось совершенно в ином ключе.

Достаточно комично выглядело восстановление дворянства и возвращением, присвоением дворянских титулов бывшим советским партийным и государственным чиновникам, деятелям культуры и искусства, предпринимателям в рамках развернувшейся кампании исторической реабилитации царизма и империализма в русской истории при крайне уничижительном отношении к советской истории и таковой ее презентации в новых исторических источниках, учебниках истории, что вызвало деформацию исторического сознания россиян, прежде всего, молодых, которые о советской эпохе стали узнавать из этих квазиисточников и СМИ, демонизировавших советскую эпоху и предавших забвению ее великие достижения и успехи.

А.А. Зиновьев пришел к выводу, что постсоветское общество сформировалось на осколках советизма, реанимации дореволюционного феодализма и заимствования западнизма, в результате чего получился такой гибрид как постсоветизм [14].

Процесс гибридизации дореволюционных и советских элементов в современной российской идеологии и политике отмечает в своих работах и представитель западнистского течения З. Бжежинский, красноречиво выразившийся по этому поводу примерно следующим образом: с приходом к власти Путина российская власть стала напоминать курс, в котором смешались и традиции ЧК, и сталинского руководства страной в военное время, и притязания на статус Третьего Рима, и славянофильские мечты о едином огромном славянском государстве, управляемом из Кремля [15]. Бжежинский полагает, что демократический транзит в России так и не завершится по причине того, что происходит активная реконструкция советского и царского империализма.

Итак, описанный механизм образования новой элиты постсоветского общества, несправедливый характер которого был далеко не прозрачен, что и породило у многих россиян острое чувство несправедливости установившегося социально-экономического порядка и с годами это чувство не проходит.

Более того, как показывают многочисленные социологические исследования, оно растет вместе с уровнем неприятия той демократии, которая установилась в России на фоне роста но-

стальгических настроений по советскому прошлому, что вполне естественно, если учесть, что в стране после двадцати лет реформ продолжается рост бедных и социальной поляризации, и основные представители бедных слоев России несколько старше представителей других групп – богатых и среднего класса: 40% российских бедных – это представители групп в возрасте старше 60 лет [16]. Очевидно, что при таких показателях ни о какой эффективной социальной политике и высокой социальной ответственности российского государства не может идти и речи.

Однако при этом в стране растет уровень патернализма, несмотря на крайне низкую заинтересованность государства в решении социальных проблем, поддержки интересов российских граждан и реализации их прав и гарантий. Россияне сохраняют убежденность в том, что именно государство должно нести ответственность за решение таких социальных проблем, как: пенсионное обеспечение (85,0% опрошенных россиян так считают), борьба с бедностью (74,0%), медицинская помощь (68,0%), возможность получения высшего и среднего образования (64,0%), справедливое распределение материальных благ (59,0%), справедливая оплата труда (49,0%), помощь семьям и детям (48,0%) [17].

В стране сильно снизился показатель средней продолжительность жизни россиян, что неудивительно, если учесть 20-тилетний период социально-экономического кризиса, которому не видно конца. Демографы «бьют в колокол», предвещая депопуляцию российского народа, и их опасения вполне оправданы, поскольку стремительное снижение рождаемости происходит именно среди русского населения, которое выступает основным, в том числе в численном отношении, этносом российского государства, основным носителем и охранителем цивилизационных потенциалов российского государства, как его многовековых и многопоколенческих ценностных накоплений, национальной идентичности, а потому и важным фактором российской государственности, поскольку он является [18].

В этой связи рождаемость русского населения, в силу доминирующей численности русского населения в этнической структуре государства, определяет общий уровень и тенденции рождаемости в целом по стране, но русских женщин один из самых низких уровней рождаемости в России, что и выступает основой выводов о депопуляции российского и, прежде всего, русского народа.

А.И. Журавлев категорично заявляет о том, что происходит вымирание великих народов: русского, украинского, белорусского, а вымирающий народ не может жить нормально [19]. Но не только это внушает опасения, а то, что в стране происходит стремительное снижение духовно-нравственного потенциала, растет уровень криминальности, коррупции, в целом сви-

детельствующие об ухудшении человеческого потенциала и социального капитала россиян, который разрушается под влиянием западнизации, засилья массовой культуры, что говорит о цивилизационном кризисе России и угрозе цивилизационной катастрофы при сохранении обозначенных тенденций.

Нам представляется, что все эти негативные явления, описанные выше и характеризующие крайне нежелательный для России сценарий развития, весьма удачно Зиновьевым назван «постсоветизмом», который введен им задолго до крушения советской империи и означал гипотетически возможный социально-политический порядок, который сменит коммунистическое общество. Однако сам А.А. Зиновьев был глубоко убежден в устойчивости советской политической системы и его теоретические положения носили гипотетический характер, но в результате прихода к власти М.С. Горбачева, который Зиновьевым был назван одной из глобальных диверсий Запада и началом грандиозного исторического предательства [20], разрушение общества реального коммунизма стало возможным и, как показали исторические события 90-х, реальным.

Уже с приходом к власти Горбачева разрушение СССР можно было легко прогнозировать и это было сделано Зиновьевым в работе «Горбачевизм», вышедшей в свет в 1988 году и содержащей информацию о социально-политической системе, которая должна была сменить Советский Союз, что было уже очевидно для Зиновьева после прихода к власти. Если коммунизма и западнизма стали результатом естественного социального развития, отмечает Зиновьев, то постсоветизм стал результатом неестественного социального развития, результатом искусственного разрушения СССР, потерпевшего поражение в глобальном идеологическом, политическом и экономическом противостоянии с Западом [21].

Примечательно, что Зиновьев прекрасно понимал, что сложившийся социалистический режим в наибольшей степени соответствует социокультурной и цивилизационной специфике России, и предостерегал нежелательность коренных изменений в социально-экономическом и политическом укладе страны, которые могут вызвать крайне негативные последствия, что и произошло в недалеком будущем после предостережений нашего выдающегося соотечественника.

Выводы Зиновьева о неприемлемости для России капиталистического пути развития по западному образцу вызвали неприязнь не только Западе, но и в России среди тех, кто ратовал за стремительное перевоплощение России в капиталистическую страну [22].

Заразившиеся яркими многообещающими демократическими лозунгами россияне поверили в светлое демократическое будущее и горько разочаровались уже в первое десятилетие

реформ, а в ходе второго десятилетия реформирования разочарование сменилось апатией ко всему, что связано с преобразованиями, реформированием, политической модернизацией, замкнувшись на собственном микромире [23].

Как видим, прогнозы А.А. Зиновьева сбылись с высокой степенью точности и теперь россияне пожимают плоды исторического предательства и собственного легковерия. А что собственно произошло, не считая факта предательства политической элиты России?

Посмотрим на это с цивилизационной точки зрения. Россия – страна с коллективистским типом сознания, ментальности, а потому советский образ жизни, коммунистическая идеология, в которой «Мы» превалирует над «Я», легко и безболезненно прижились на российской почве и обеспечили длительный (по сравнению с прогнозами о скорой гибели сформировавшегося коммунистического государства в результате крушения российской империи) период функционирования, и надо заметить, очень успешный, не принимая во внимания перекосы советской политики, а беря во внимание мировые успехи в науке, искусстве, культуре, освоении космоса, спорте и т.д., а также с учетом разрушительной Второй мировой войны, которую вынес на своих плечах советский народ, за двадцать лет восстановивший страну буквально из руин.

Отталкиваясь от теории институциональных матриц [24], положения которой мы приводили в предыдущей части данного исследования, советская идеология прекрасно вписалась в цивилизационную специфику российского общества, в его социокультурное ядро, представленное коммунитарными ценностями и православными архетипами. Отталкиваясь от положений этой же теории можно с уверенностью предположить, что неудача демократического транзита напрямую связана с несоответствием демократических инноваций, проводимых в соответствии с западными рецептами, институциональной матрице российского общества, а отсюда и отторжение западных социальных практик и разрушительный эффект от внедрения не характерных для российской ценностной системы ценностей, ориентаций, норм, образцов поведения, насильственный характер которого (внедрения) не позволил избежать этого губительного для страны разрушительного эффекта, который породил социокультурный раскол в российском социуме по линии ценностного противостояния.

Список литературы

1. Хорос В.Г. Цивилизация сегодня // Мировая экономика и международные отношения, 2008. № 9. С. 95.

2. Харин А.Н. К вопросу о формировании цивилизационного пространства России // Власть. 2011. №12. С. 126-129.
3. Миронов Е.В. Особенности исторического пути развития России // История и современность. 2011. № 1. С. 150.
4. Этциони А. Новое золотое правило: сообщество и нравственность в демократическом обществе / Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 1999. С. 319-321.
5. Баталов Э.Я. Доживет ли Россия до социального государства // Российская Федерация. 1997. № 8. С. 48.
6. Мукомель В. Интеграция мигрантов: Российская Федерация. Научно-исследовательский отчет 2013/1. – М., 2013. С. 2.
7. Верещагина А.В. Трансформация института семьи и демографические процессы в современной России: монография. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. С. 46.
8. Гегель Л.А., Фролова Ю.С. Многонациональный южно-российский регион: особенности конфессиональной карты // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 117-120.
9. Чихачева Ю.С. Бизнес-элиты Украины и России в контексте процессов приватизации / В кн.: Политическое управление и публичная политика XXI века: Государство, общество, и политические элиты. – М.: РАПН; РОССПЭН, 2008. С. 229.
10. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 49.
11. Голдман М. Пиратизация России. – Н.-М., 2005. С. 163.
12. Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. С. 271.
13. Зиновьев А.А. Постсоветизм: публичная лекция. <http://vybory.org/articles/480.html>
14. Зиновьев А.А. Постсоветизм: публичная лекция. <http://vybory.org/articles/480.html>
15. Бжезинский З. Одинокая Россия потеряет свой Восток. <http://www.lenta.ru/news/2005/07/29/bzhezinski/>
16. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). – М.: Новый хронограф, 2011. С. 169-170.
17. Горшков М.К. Социальные неравенства как вызов современной России // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 38.
18. Государственная политика вывода России из демографического кризиса / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. – М., Экономика, Научный эксперт, 2007. С. 10-11.
19. Журавлев А.И. Кто мы, русские? / А.И. Журавлев. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. С. 183.

20. Зиновьев А.А. Постсоветизм: публичная лекция // <http://vybory.org/articles/480.html>
21. Там же.
22. Зальцберг М. Памяти великого россиянина Александра Зиновьева // Зиновьевские чтения. Материалы I Международной научной конференции / Под ред. О.М. Зиновьевой, В.А. Лукова. – М., 2007. С. 164.
23. Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М.: Изд-во «Весь мир», 2010. С. 313.
24. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – М.: ТЕИС, 2000; Кирдина С.Г. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. 2004. № 10; Бессонова О.Э. Феномен теории институциональных матриц: реставрация устаревшей парадигмы // Экономическая наука современной России. 2007. № 2.

References

1. Khoros V.G. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2008. № 9. Pp. 95.
2. Kharin A.N. K voprosu o formirovanii tsivilizatsionnogo prostranstva Rossii [On the Emergence of Civilizational Space in Russia]. *Vlast'*. 2011. №12. Pp. 126-129.
3. Mironov E.V. *Istoriya i sovremennost'*. 2011. № 1. Pp. 150.
4. Ettsioni A. Novoe zolotoe pravilo: soobshchestvo i npravstvennost' v demokraticheskom obshchestve / *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya* [New Post-Industrial Movement in the West. Anthology] / Pod red. V.L. Inozemtseva. – М., 1999. Pp. 319-321.
5. Batalov E.Ya. *Rossiyskaya Federatsiya*. 1997. № 8. Pp. 48.
6. Mukomel' V. *Integratsiya migrantov: Rossiyskaya Federatsiya* [Integrating Migrants: the Russian Federation] 2013/1. – М., 2013. P. 2.
7. Vereshchagina A.V. *Transformatsiya instituta sem'i i demograficheskie protsessy v sovremennoy Rossii*[Transformation of the Institution of the Family and Demographic Processes in Present-Day Russia]. – Rostov-na-Donu: Izd-vo YuFU, 2009. P. 46.
8. Gegel' L.A., Frolova Yu.S. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2007. № 2. Pp. 117-120.
9. Chikhacheva Yu.S. *Politicheskoe upravlenie i publichnaya politika XXI veka: Gosudarstvo, obshchestvo, i politicheskie elity* [Political Management and Public Policy of the 21st Century]. – М.: RAPN; ROSSPEN, 2008. P. 229.

10. Panarin A.S. *Iskushenie globalizmom* [Temptation of Globalism]. – М.: Izd-vo Eksmo, 2003. P. 49.
11. Goldman M. *Piratizatsiya Rossii* [Piratization of Russia]. – N.-M., 2005. P. 163.
12. Shkaratan O.I. *Sotsial'no-ekonomicheskoe neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremennoy Rossii* [Social and Economic Inequality and its Reproduction in Present-Day Russia]. – М.: ZAO «OLMA Media Grupp», 2009. P. 271.
13. Zinov'ev A.A. *Postsovetizm: publichnaya lektsiya* [Post-Sovietism: public lecture]. <http://vybory.org/articles/480.html>
14. Zinov'ev A.A. *Postsovetizm: publichnaya lektsiya* [Post-Sovietism: public lecture]. <http://vybory.org/articles/480.html>
15. Bzhezinskiy Z. *Odinokaya Rossiya poteryaet svoj Vostok* [Lonely Russia is Losing its East]. <http://www.lenta.ru/news/2005/07/29/bzhezinski/>
16. Gorshkov M.K. *Rossiyskoe obshchestvo kak ono est': (opyt sotsiologicheskoy diagnostiki)* [Russian Society as it Stands (Sociological Diagnostics)]. – М.: Novyy khronograf, 2011. Pp. 169-170.
17. Gorshkov M.K. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2010. № 1. P. 38.
18. *Gosudarstvennaya politika vyvoda Rossii iz demograficheskogo krizisa* [State Policy for Handling Demographic Crisis in Russia] / Pod obshchey redaktsiey S.S. Sulakshina. М., Ekonomika, Nauchnyy ekspert, 2007. Pp. 10-11.
19. Zhuravlev A.I. *Kto my, russkie?* [Who are we, Russians?]. – Rostov-na-Donu: Feniks, 2007. P. 183.
20. Zinov'ev A.A. *Postsovetizm: publichnaya lektsiya* [Post-Sovietism: public lecture]. <http://vybory.org/articles/480.html>
21. Zinov'ev A.A. *Postsovetizm: publichnaya lektsiya* [Post-Sovietism: public lecture]. <http://vybory.org/articles/480.html>
22. Zal'tsberg M. *Zinov'evskie chteniya. Materialy I Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Zinoviev Scientific Conference. International conference proceedings] / Pod red. O.M. Zinov'evoy, V.A. Lukova. – М., 2007. P. 164.
23. *Gotovo li rossiyskoe obshchestvo k modernizatsii?* [Is the Russian Society Ready for Modernization?] / Pod red. M.K. Gorshkova, R. Krumma, N.E. Tikhonovoy. – М.: Izd-vo «Ves' mir», 2010. P. 313.
24. Kirdina S.G. *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii* [Institutional Matrices and the Development of Russia]. – М.: TEIS, 2000; Kirdina S.G. *Voprosy ekonomiki*. 2004. № 10; Bessonova O.E. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. 2007. № 2.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Жуковский Денис Александрович, кандидат политических наук
Донской государственной технической университет
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, Ростовская обл., 344010, Россия
zhykovskij@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zhukovsky Denis Aleksandrovich, PhD in Political Science
Don State Technical University
Sq. Gagarin, 1, Rostov-on-Don, Rostov region, 344010, Russia
zhykovskij@mail.ru